

Р. Кузеев. *Очерки исторической этнографии башкир (родоплеменные организации башкир в XVII—XVIII вв.)*. Уфа, 1957, 183 стр.

Монография Р. Г. Кузеева «Очерки исторической этнографии башкир (родоплеменные организации башкир в XVII—XVIII вв.)» по охвату материала принадлежит к числу фундаментальных работ.

В обстоятельном введении дан обзор литературных и документальных источников и подвергнуты критике ошибочные взгляды ранее писавших историков о социально-экономических отношениях в Башкирии (родоплеменные, затем классовые отношения, особенности феодализма в Башкирии и пр.).

Основная задача настоящего труда, по словам автора, заключается в изучении «процесса распада родовой общины и разложения родоплеменной системы в условиях башкирского общества» (стр. 14). Она раскрывается в трех главах, на которые делится книга: «Формы родоплеменной организации башкир в XVII—XVIII вв. Родоплеменной состав», «Родоплеменные организации башкир в XVII—XVIII вв. Историко-этнографическое описание», «Родоплеменные организации башкир в связи с изучением земельных отношений в Башкирии в XVII—XVIII вв. Распад родоплеменной системы».

Пережитки родоплеменных отношений и распад их были связаны с хозяйственным развитием Башкирии в XVII—XVIII вв. Не случайно поэтому в первой главе своего труда автор разбирает хозяйственное состояние края и убедительно показывает, что различные уровни развития производительных сил в западных и восточных районах Башкирии «порождали различные формы общественной организации, хотя тип социальной структуры общества для всей Башкирии оставался единым» (стр. 26).

Сходство родоплеменной организации башкир и других тюркских народов выражалось в многостепенности ее структуры, хотя были и некоторые различия. Для башкир в XVII—XVIII вв. было характерно трехступенное родоплеменное деление: ырыу (племя), тюба, или аймак (род) и ара (родовое подразделение). Названия отдельных ступеней рода в различных районах были различны. Хозяйственное и общественное развитие вызывало изменения в родовой организации, с постепенным уменьшением числа ступеней родовой лестницы. «Те или иные звенья родоплеменной структуры башкир,— пишет автор,— исчезали, стирались временем по мере того, как они теряли свое значение или необходимость в экономической и общественной жизни общества» (стр. 31).

Для выяснения родовой организации башкир большое значение имеет терминология, касающаяся тех или иных подразделений племени и рода. Если до последнего времени толкования терминов были запутанными, то Р. Г. Кузеев более убедительно определяет значение отдельных терминов. Так, например, термин «ырыу» определяется как племенное обозначение, «тюба», или «аймак», как родовое обозначение. Кроме того, автором устанавливаются районы распространения отдельных родоплеменных терминов. Однако, как правильно отмечает автор, термины «ырыу», «тюба» и «аймак» имеют условное значение для определения родоплеменной лестницы. Постоянное движение и изменение звеньев многостепенной родоплеменной структуры приводило к нарушению терминологической схемы.

В первой главе автор рассматривает территорию, численность и родоплеменной состав башкир в XVII—XVIII вв. В этом разделе дан более детальный перечень родоплеменного состава башкир, с наименованием его подразделений, чем в работах других авторов.

Вторая глава книги посвящена историко-этнографическому описанию родоплеменной организации башкир. Автор отмечает, что в XVII—XVIII вв. среди башкир господствовали уже классовые, феодальные отношения, но «в силу специфики кочевого скотоводческого хозяйства внешняя форма родовой общины оказалась более устойчивой, чем ее экономическое содержание» (стр. 58). Он освещает историю родоплеменной организации башкир и в более отдаленные века, полагая, что «процесс разложения патриархально-родового строя и складывания феодального общества у башкир стал заметно проявляться только с XII—XIII вв.» (стр. 11), а «образование антагонистических классов феодального общества проявилось в Башкирии в XV—XVI вв. более отчетливо, чем в предшествующую эпоху» (стр. 12). Однако существование в Башкирии коллективной (родовой) собственности на землю и родоплеменных организаций не позволяет утверждать, что складывание феодальных отношений завершилось в XV—XVI вв.; оно продолжалось еще в XVII—XVIII вв., а местами до XX в. Фольклорные материалы помогли автору осветить историю борьбы между башкирскими племенами, сыгравшую известную роль в их перегруппировке, им привлечены и данные топонимики. Не плохо освещены происхождение союза родов, сложение «территориальных племен», которые уже не обладали устойчивостью кровнородственных объединений, и ряд других вопросов. Р. Г. Кузеев приходит к выводу: «В XVII—XVIII вв. племя представляло по существу территориальную организацию, а не объединение родов, связанных экзогамными браками» (стр. 66).

Подробно и обстоятельно характеризуется башкирский род как совокупность родственных семей, а племя — как союз родов. По размерам и по составу башкирские роды были различными; в результате перегруппировок во время междоусобиц столкновений и за счет прихода иноплеменных этнических групп они постоянно менялись. Названия родов носили большей частью топонимический (по названию местности) или патронимический (по имени предводителя) характер. Основным объединяющим моме-

том рода в XVII—XVIII вв. было «общинное землепользование, прикрытое формой родового владения. Каждое башкирское племя, а внутри племени и род, в XVIII в. и тем более раньше имели определенную территорию, на которой выпасали свой скот, занимались земледелием, охотой, бортничеством» (стр. 72). Автор подтверждает это свидетельствами П.-С. Палласа и И. К. Кириллова. На границах племенной территории ставились тамги. Каждый член рода имел право участия в общеродовой вотчине (земельном владении), и, наоборот, чужеродец мог быть по общему согласию членом рода выселен за пределы родовой территории. Выражением единства рода в прошлом являлась общеродовая тамга.

В XVIII в. у башкир существовали еще кровная месть — «карымта», экономическая месть — «барымта» и система штрафов за те или иные преступления.

У башкир в XVII—XVIII вв., кроме рода и племени, были известны родовые подразделения, или большие семьи, считавшие себя потомками общего, не очень далекого предка. До настоящего времени башкиры-старожилы хорошо знают название своего родового подразделения, родовых подразделений своей деревни, реке — родовых подразделений ближайших аулов.

Очень интересна планировка башкирских аулов и кочевков, построенная по признаку родовых подразделений. Жизнь родового подразделения регулировалась советом старейшин — аксакалов.

В родовых подразделениях в XVII—XVIII вв. сохранялось немало следов патриархально-родового уклада. В XVIII в. и позднее еще существовала традиция экономической взаимопомощи членов родственной группы и некоторая общность хозяйственных интересов. Традиции взаимопомощи создавали большие возможности для эксплуатации трудящихся башкир феодалами.

«Таким образом,— делает вывод Р. Г. Кузеев,— развивавшиеся в Башкирии в XVII—XVIII вв. различные формы феодальной эксплуатации, связанные с использованием патриархальных обычаев, наиболее рельефно проявились в родовом подразделении. Сохранившиеся в родовом подразделении общность экономических интересов, родственная солидарность, взаимопомощь своеобразно переплетались с имущественным неравенством, классовой дифференциацией и эксплуатацией, то есть реально сохранившиеся элементы патриархально-родовых отношений здесь сочетались, сосуществовали с феодальными производственными отношениями» (стр. 114).

В третьей главе своего труда Р. Г. Кузеев освещает родоплеменную организацию башкир в связи с изучением земельных отношений в Башкирии накануне присоединения к Русскому государству и в XVII—XVIII вв. Нам кажется вполне убедительным утверждение автора, что башкирский род издавна представлял собой территориальное объединение полукочевников, связанных общинной собственностью на пастбища и кочевья. Скот находился в частной собственности отдельных семей, то есть основой общества был не род с коллективным производством, а индивидуальная семья, которая вела самостоятельное хозяйство» (стр. 126). Далее автор утверждает, что «башкирский род в XVI в. представлял собой тип сельской общины, сохранившей внешнюю форму строения рода, которая издавна утратила свое экономическое содержание» (стр. 127). В то же время, решает он, «кочевое скотоводческое хозяйство с натуральным характером производства, со слабо развитым обменом тормовило распад хотя и сильно деформированной родоплеменной системы. Патриархально-родовые институты поэтому имели еще существенное значение в развитии общественных отношений. Особенно велика была роль родового подразделения, члены которого долго еще сохраняли кровнородственные связи» (там же).

В работе показано, какими путями в башкирском обществе складывались патриархально-феодальные отношения.

Разложение башкирского рода и сложение патриархально-феодальных отношений в западной и восточной Башкирии проходили различно в силу специфических условий экономического развития в этих районах. В западной Башкирии, где находился очаг развитой оседлой земледельческой культуры, к XVIII в. племенная система уже потеряла свое значение для земельных отношений. О переходе земли в частную собственность свидетельствует хотя бы тот факт, что повывье становится постепенно индивидуальным владением отдельных семей, а это приводило к установлению наследственной собственности на него и концентрации земли в руках башкирских феодалов. Оставившись на особенностях феодальной эксплуатации в условиях Башкирии XVII—XVIII вв., автор пишет, что «развивающиеся... феодальные производственные отношения в долговых, житейских, кабальных и прочих записях нашли удобную форму для установления личной зависимости тысяч крестьян» (стр. 159). Кроме того, зависимость башкирских крестьян от феодала очень часто выражалась в различных формах нерегламентированных повинностей в пользу феодала, которые выполняли полусвободные общинники.

«В отличие от западной Башкирии,— пишет Р. Г. Кузеев,— в восточной Башкирии до конца XVIII в. общевосточная земельная собственность сохраняла свою форму. Феодальная собственность на землю в большинстве случаев существовала в форме узурпации права распоряжения общинными угодьями, феодальная эксплуатация трудящихся башкир выражалась, кроме несения ясачной повинности, в многочисленных нерегламентированных поборах» (стр. 176).

В конце книги автор совершенно правильно указывает, что пережитки патриархально-родового быта в Башкирии сыграли реакционную роль, были тормозом эконо-

мического прогресса и мешали развитию классового самосознания трудящихся башкир.

Таким образом, при помощи глубокого изучения содержания и формы родоплеменной системы башкир в XVII—XVIII вв. автор книги стремится раскрыть экономическую и социальную структуру башкирского общества. В работе, наряду с обобщением уже известных в литературе историко-этнографических материалов о родоплеменных отношениях в Башкирии, привлечено много новых фактических данных, причем автор постарался дать их в историческом развитии, всесторонне анализируя процесс разложения родоплеменных и сложения патриархально-феодальных отношений в Башкирии в XVII—XVIII вв. Труд Р. Г. Кузеева является, безусловно, ценным для понимания социально-экономических отношений в Башкирии прошлых веков.

Наряду с этим следует отметить некоторые недостатки в работе и допущенные в ней неточности. Прежде всего, не все вопросы родоплеменной организации башкир освещены достаточно полно.

Нам кажется неубедительным утверждение автора, что процесс разложения патриархально-родового строя у башкир начался лишь в XII—XIII вв. (см. стр. 11). Археологические и этнографические данные говорят о том, что процесс разложения родоплеменных отношений в Башкирии начался гораздо раньше, но в силу ряда исторических обстоятельств шел очень медленно.

Во второй главе для характеристики начальных стадий феодальных отношений в Башкирии автор приводит факты многочисленных межплеменных столкновений. Так, например, он пишет: «традиция взаимных набегов, вражды, насильственного угона скота у башкир существовала на протяжении столетий» (стр. 59). Действительно, у всех народов на определенной стадии общественного развития имели место межплеменные столкновения, но то, что о них пишет Р. Г. Кузеев, нам кажется преувеличением. Получается представление, что башкиры больше ничем не занимались, кроме грабежа и междоусобных войн.

Автор приводит интересные данные об объединении родов, о появлении союза различных по происхождению родов (см. стр. 62—63), но нельзя не возражать против объяснения этого лишь военными причинами или насилием. Едва ли можно оспаривать, что основной причиной центростремительной, или объединительной, тенденции родов явилось развитие производительных сил, развитие экономических и иных связей между родами. Кстати, следует отметить, что причиной перегруппировки родоплеменных групп явились не только межплеменные столкновения, как утверждает автор, но и те многочисленные башкирские восстания XVII—XVIII вв., которые приводили к дроблению одних родоплеменных групп и к объединению других.

Далее, пережитки родоплеменных отношений в XVII—XVIII вв. среди башкир автор объясняет главным образом тем, что феодалы сознательно консервировали родоплеменные институты. Это противоречит утверждению, приведенному выше, о торможении «распада родоплеменной системы» натуральным характером хозяйства кочевников-скотоводов. Следовательно, главной причиной консервации родоплеменных пережитков в Башкирии было не стремление к этому башкирских феодалов, а экономическое состояние общества. Другое дело, что башкирские феодалы использовали родоплеменные пережитки для эксплуатации трудящихся и всеми возможными средствами старались их сохранить.

Говоря о патриархально-феодальных отношениях в Башкирии, автору нужно было бы показать, в чем же конкретно выражались эти отношения, показать незрелость феодализма в Башкирии. Без этого невозможно уяснить расстановку классовых сил, их перегруппировку и дифференциацию.

Наконец, нам кажется неубедительным утверждение автора, будто некоторые «башкирские восстания XVII—XVIII вв., инспирированные башкирской феодальной верхушкой, были реакционными» (стр. 9). Во всех восстаниях XVII и первой половины XVIII в. слились по разным причинам и мотивам устремления различных классов. Поэтому нужно было разобрать обстоятельно и объективно сложную классовую сущность отдельных восстаний и конкретно-историческую обстановку, в которой они протекали, а не говорить о реакционности ряда башкирских восстаний в целом. Вообще вопрос о башкирских восстаниях XVII в. и первой половины XVIII в. требует еще тщательного и всестороннего изучения.

Несмотря на некоторые недочеты, книга Р. Г. Кузеева, по нашему убеждению, будет служить ценным источником для понимания социально-экономических отношений в Башкирии в XVII—XVIII веках.

Книга хорошо иллюстрирована историческими и этнографическими картами. Приложен библиографический список (около полсотни названий).

Р. Б. Ахмеров

Д. Вардумян. *Новый быт лорийцев* (на армянском языке). Изд. АН Армянской ССР, Ереван, 1956, 160 стр.

Работа Д. Вардумяна «Новый быт лорийцев» — первое в Армении исследование, посвященное быту колхозного крестьянства.

Ст. Шаумян, касаясь актуальных вопросов истории армянского народа, писал, что представить настоящую историю народа — значит показать, «как жил этот народ, как он создавал эти богатства, каковы были средства и формы его производства, промыш-